

**Виктор Шнирельман**

**Elise Giuliano. Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. 256 pp. ISBN 978-0-8014-4745-7.**

*Виктор Шнирельман. Адрес для переписки: Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. shnirv@mail.ru.*

*Рецензия выполнена в рамках проекта «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода» (грант Российского научного фонда № 14-18-03090).*

В отечественной литературе тема этнических конфликтов в Российской Федерации была в центре внимания ученых в 1990-е и начале 2000-х годов. С тех пор она несколько сместилась к периферии, но вот молодая американская исследовательница из Колумбийского университета Элиз Джулиано решила напомнить о ее значимости. Джулиано ставит интригующий вопрос – почему в одних случаях этнический национализм обретает популярность, а в других оставляет людей равнодушными.

В центре исследования лежит понятие «этнической обиды», которая вырастает из сочетания двух факторов – реальной экономической ситуации и ее восприятия. Автор считает, что массовая мобилизация происходит только на экономической основе. Но такая мобилизация невозможна без психологического фактора, создающего важные символические ресурсы в случае экономического неблагополучия.

Другим условием этнического взрыва служит деятельность местных этнических элит, для которых автор использует популярный в литературе термин «антрепренеры», отдавая им роль «конструкторов конфликта». Именно они доказывают людям, что личные неудачи напрямую вытекают из неблагополучного экономического положения всей их этнической группы. Конструируя «этническую обиду», они приводят в действие механизм массовой мобилизации.

Связывая понятие «обиды» с неравенством на рынке труда, автор считает, что описанный механизм смог заработать только в условиях общего ухудшения экономической конъюнктуры в последние советские годы. К этому можно было бы добавить, что в начале 1990-х годов борьба за суверенитет увлекла не только этнические республики, но и русские области (ср., например, проект Уральской республики). С этой точки зрения, этнический фактор представляется далеко не главным. Более важным казалось избавиться от чрезмерного контроля со стороны центра, что в ряде случаев и русских приводило в ряды сторонников суверенитета.

Автор, разумеется, права, предупреждая против реификации этнических категорий и подчеркивая вариативную основу групповой солидарности. Она права и в том, что социальная память капризна и неоднозначна – она не только страдает амнезией, но и позволяет давать прошлому очень разную интерпретацию. Все

это требует от этнических антрепренеров особого искусства. Поэтому для автора этнический национализм – это процесс, а не некая данность: «Национализм приходит и уходит, тогда как этническая идентичность сохраняет свою силу...» (с. 4). Заслуживает внимания попытка автора понять силу и слабость этнического национализма, для чего Россия представляется весьма подходящим полем. Автора интересует не только то, почему элиты повернулись к национализму, но в особенности то, почему их призывы увлекали массы или, напротив, оказывались безуспешными.

Следует отметить и критическое отношение автора к этническим антрепренерам, которые, делая акцент на этническом неравенстве, полностью игнорировали позитивные результаты советской аффирмативной политики. Ведь до недавнего времени многие западные исследователи это упускали из виду. Автор призывает избегать политизации этничности и не принимать слова этнических антрепренеров за чистую монету без дополнительной проверки.

Джулиано основывается на материалах из 16 республик, но собственные полевые исследования она проводила только в Республике Татарстан (в Казани и Набережных Челнах в 1997 году), которой посвящены две из восьми глав книги. Еще одна глава посвящена специально Туве, Марий Эл и Республике Коми, но там же читатель найдет небольшой раздел о Чечне. Кроме того, автор ограничивается периодом с 1989 по 1994 год. Демонстрируя редуccionистский подход, она искусственно сводит этнический национализм к стремлению к сепаратизму. Именно такой национализм она обнаруживает в Татарстане и Чечне. Поэтому она обходит вниманием примеры Ингушетии, достигшей желанного суверенитета, выйдя из состава бывшей Чечено-Ингушетии, и Карачаево-Черкесии, поднявшей свой статус, став республикой. Суверенизация достигалась и иным путем – вытеснением русских за пределы республики, как это было в Туве в 1990 году. Несмотря на то, что в России все это имело место, это – не тот суверенитет, о котором пишет Джулиано.

Главный недостаток ее, на первый взгляд, стройной концепции состоит в том, что она связывает этнический национализм только с противостоянием Москве и конкуренцией с русскими. Но ведь он к этому не сводится. Достаточно вспомнить республики с двумя титульными народами (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия), или республики, где отмечается демографическое преобладание нетитульного населения (Башкортостан), или, наконец, такую полиэтничную республику, как Дагестан – во всех этих случаях речь идет о конкуренции не с русскими, а между самими титульными народами или между титульным народом и доминирующим большинством, представленным не только русскими.

Конфликты возникают не только из-за экономических проблем, обозначенных автором. Иногда речь идет о территориальных спорах (осетины и ингуши), о доступе к пастбищным угодьям (балкарцы), об ирредентизме (лезгины), о религиозно-политических амбициях (Ичкерия 1990-х годов). Автор оставляет без глубокого анализа феномен культурного национализма, который в ряде поволжских республик вылился, в частности, в возвращение язычества (прежде всего, в Марий Эл). Кроме того, вопреки автору, основой массовой мобилизации, как мы видим сегодня, может стать религия (радикальный ислам).

Впрочем, рассказывая о собственных полевых исследованиях в Татарстане, автор дает более сложную и многоцветную картину. Речь идет об оппозиции не только между русскими и татарами, но и внутри самого татарского массива – между горожанами и сельчанами, между татарами русскоязычными и татароязычными и т.д. Автор также фиксирует низкий уровень национализма в сельских районах. Не меньшее разнообразие она могла бы встретить и в других республиках. И это само по себе позволяет предполагать различные мотивации, лежащие за националистическими настроениями. Возникают вопросы – как и какой именно национализм привлекает разные группы населения, в чем он выражается, от чего зависит его интенсивность. Об этом заставляет задуматься и следующее наблюдение автора. Опросы работников КамАЗа показали расхождение между их восприятием межэтнических отношений в своем рабочем коллективе и на заводе в целом: первые они считали нормальными, зато вторые вызывали у них беспокойство. В связи с этим автор отмечает «ножницы» между личным опытом и общественными настроениями, которые подпитываются из иных источников (с. 140). Эта проблема уже неоднократно обсуждалась российскими социологами. Речь, разумеется, идет о могуществе масс-медиа как «четвертой власти», эффективно формирующей общественные настроения.

Трудно не согласиться с автором, что культурные и исторические аргументы достигали цели лишь при наличии дополнительных механизмов мобилизации. Но, отвергая другие одномерные гипотезы, она пытается сформулировать свою, столь же одномерную, что ставит под сомнение предлагаемые нам выводы. Например, остается неясным, почему из пяти республик с наивысшими установками на сепаратизм (Татарстан, Тува, Чечня, Якутия, Башкортостан) лишь Чечня отважилась на вооруженную борьбу с Центром, хотя выведенный автором «индекс сепаратизма» в Татарстане и Туве был выше (с. 188).

В ряде случаев автор упускает важные детали, меняющие картину. Так, сопоставляя демографические данные 1926 и 1989 года, она приходит к выводу, что русское население во многих республиках выросло (с. 66–67). При этом она упускает из виду, что численность русских там росла вплоть до конца 1960-х годов, а затем в ряде регионов (например, на Северном Кавказе) начался ее спад. Приведенные в книге цифры не отражают этой динамики. Встречаются в книге и более мелкие ошибки. Скажем, академика Бромлея звали не Юрий, а Юлиан. На одной странице автор называет руководителей КамАЗа «этническими русскими», а на другой они оказываются «евреями» (с. 132, 136).

Вряд ли можно отнести массовую мобилизацию на счет какого-либо одного, пусть и важного, фактора. Скорее следует учитывать особую констелляцию значимых факторов в специфическом историческом контексте. Но тогда нам придется признать своеобразие каждого из исследуемых случаев, которые трудно привести к одному знаменателю. Ведь в разных ситуациях один и тот же фактор мог играть разную роль. Следовало бы также рассмотреть взаимовлияние различных факторов, которые усиливали друг друга в рамках националистического дискурса. Кроме того, определенную роль играли примеры соседних республик и даже взаимные контакты этнонационалистов, что тоже заслуживало бы анализа. Например,

стоило рассмотреть деятельность «финно-угорского мира» (съездов финно-угорских народов и подобного рода организаций, ставших популярными в 1990-е годы) по поддержке местных националистов в Среднем Поволжье и Республике Коми. Прибавим к этому и то, что, как показывает опыт, революции совершаются активным меньшинством в столицах, тогда как остальному населению предлагается подчиниться новым властям. Поэтому речь должна идти не вообще о массовой мобилизации, а о мобилизации столичного населения.

Учитывая все эти замечания, мы можем лишиться возможности заниматься профилактикой и предсказывать будущие конфликты, опираясь на какой-либо один ведущий фактор, как это пытается делать автор. Становится ли ситуация от этого безнадежной? Не думаю. Вместе с автором я считаю сравнительный анализ ценным аналитическим приемом. Однако этот подход становится плодотворным только тогда, когда каждый из случаев предварительно глубоко проанализирован и адекватно понят. Только при этом условии можно надежно выявлять общие закономерности и обнаруживать доминирующие факторы. Но, к сожалению, этнические конфликты на постсоветском пространстве еще не получили всестороннего анализа. Рассмотренное здесь исследование вносит определенный вклад в их понимание, справедливо уделяя внимание психологическому фактору. Между тем, точку в исследованиях этнического национализма в России ставить пока рано.